

Выставка картин Сезанна

Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX -- начала XX века.
М., "Художественная литература", 1977

OCR Бычков М. Н.

{* Впервые опубликовано в газете "Киевская мысль", 1914, No 5.}

Два дня назад открылась в галерее Бернгейма выставка картин Сезанна. Это небольшая выставка. Двадцать пять полотен масляными красками, шесть акварелей и десятка два незаконченных акварельных набросков.

Однако при огромном влиянии, которое оказывает покойный художник на новейшее французское искусство, являясь чуть ли не подлинным героем дня нынешнего художества, и такая выставка представляет большой интерес.

В самом деле, Сезанн, можно сказать, совсем не представлен в официальных музеях. Чтобы познакомиться с ним, надо бегать по магазинам, частным коллекциям, куда проникнуть иногда очень трудно.

Некоторым подспорьем для изучения Сезанна являются альбомы фотографий. Этот художник сравнительно мало проигрывает, теряя краски. Но до сих пор и вполне удовлетворительно изданного альбома не было в распоряжении публики.

Бернгейм пополнил этот пробел, дав прекрасное издание фотографий почти всех произведений Сезанна в роскошной книге. К сожалению, цена этого издания малодоступна: на худшей бумаге она стоит сорок франков. Кстати, обращаю внимание на другое очень недурное издание: итальянское "Vose" дает за ничтожную цену в два с половиной франка двенадцать очень тщательно сделанных гелиографюр с типичнейших работ Сезанна.

Нечего говорить, что организованная Бернгеймом выставка, несмотря на то, что к продаже назначены только девять небольших картин, возбуждает большое внимание. Публики много, и посетители, конечно, мешают друг другу. То тот, то другой "знаток" или художник прилипнет носом к какому-нибудь полотну, загородит его спиной и остается в такой позиции с четверть часа, вызывая крайнее нетерпение окружающих.

К общему суждению о Сезанне, какое у меня составилось из прежде виденных в разных местах работ его, выставка ничего не прибавила.

Почти все предложенные здесь публике полотна некрасивы. Потухшее, сероватое небо; какая-то запыленная жестяная зелень; странные *natures mortes*, на которых фрукты и овощи кажутся сделанными из камня и раскрашенными; человеческие фигуры, неуклюжие и неживого цвета; портреты, упрощенные и уродливые; уже ясно сказывающийся и позднее перешедший в кубизм наклон к замене гибких линий и сложных поверхностей прямыми плоскостями, пересекающимися под определенным углом, -- все это делает впечатление от работ Сезанна жестким, тяжким, почти удручающим. В его мире нет воздуха, нет солнца. Все слишком плотно. Жить в таком мире было бы невыносимо. Художник лишен грации, лишен благодати радовать.

И тем не менее, эта аскетическая живопись, почти лабораторная, в которой своеобразное умничание заслоняет самое живописание, поражает вас каким-то сначала непонятным даже благородством.

На какое бы из этих полотен вы ни взглянули, оно сразу голосом важным и внушительным говорит вам о чем-то серьезном. Оно не хочет быть грациозным, оно не хочет радовать, оно сознает свою некрасивость, но оно не допускает шуток с собою, сделано не для легкомысленного зрителя.

Огромная заряженность каждой работы напряженным трудом, огромная интенсивность искания, торжественная и благоговейная добросовестность каждого штриха -- вот что в конце концов начинает волновать вас.

В Сезанне есть нечто от педанта, но и нечто от пророка. Вы чувствуете, как тяжела его рука, но вы чувствуете также, как полновесны его мысли, настроения.

Сезанн выступил почти одновременно с импрессионистами. Казалось, что он поделил мир пополам с благоуханным Мане, с детски-солнечным Ренуаром, с мерцающим Синьяком. Те взяли себе атмосферу, трепет эфира, переливы светотеней, игру бликов и отражений -- все, что лучится, что мреет, что зыбко. Мир для них -- фата-моргана, целиком порождение света и откровение бытия глазу.

Сезанн все это от себя презрительно отбросил: он оставил себе костяк природы. Для него мир --